

Летучий корабль. Русская народная сказка.

Жил себе старик со старухой. Было у них три сына: двое умные, а третий — дурачок. Умных они и жалеют, каждую неделю старуха им чистые рубашки дает, а дурачка все ругают, смеются над ним, — а он знай себе на печи в куче проса сидит, в грязной рубашке, без штанов. Коль дадут — поест, а нет — то и голодает. И вот прошел на ту пору слух, так мол, и так: прилетел царский наказ к царю на обед собираться, и кто построит такой корабль, чтоб летал, да на том корабле приедет, за того царь дочку выдаст.

Вот умные братья и советуются:

— Пойти бы и нам, может, там наше счастье таится! Пораздумали, у отца-матери просят:

— Пойдем мы, — говорят, — к царю на обед: потерять — ничего не потеряем, а может, там наше счастье найдется!

Отец их отговаривает, мать отговаривает.

— Нет, пойдем, да и все! Благословите в путь-дорогу. Старики — нечего делать — взяли благословили их на дорогу: надавала им старуха белых паляниц; зажарила поросенка, фляжку горилки дала, — пошли они.

А дурачок сидит на печи да и себе просится:

— Пойду, — говорит, — и я туда, куда братья пошли!

— Куда уж тебе, дурню, идти? — говорит мать, — да тебя там волки съедят!

— Нет, — говорит, — не съедят: пойду!

Старики поначалу над ним смеялись, а потом и бранить начали. Что ж, видят, что с дурнем ничего не поделаешь, и говорят:

— Ну, ступай, да чтоб назад не возвращался, нашим сыном не назывался.

Дала ему мать торбу, наложила туда черного черствого хлеба, фляжку воды дала и выпроводила его из дому. Он и пошел.

Идет и идет, вдруг попадается ему по дороге дед. Такой седой дедуня, борода вся белая, до самого пояса!

— Здравствуй, дедушка!

— Здорово, сынок!

— Куда, дедушка, идете? А тот и говорит:

— Хожу я по свету, людей из беды выручаю. А ты куда?

— К царю на обед.

— А ты разве умеешь такой корабль смастерить, чтобы сам летал? — спрашивает дед.

— Нет, — говорит, — не умею.

— Так зачем идешь?

— А бог его знает, — говорит, — зачем! Потерять — не потеряю, а может, там счастье мое найдется.

— Так садись, — говорит, — отдохни маленько, пополуднуем. Доставай-ка, что у тебя там в торбе.

— Эх, дединька, у меня нет ничего — один только черствый хлеб, вы такой и не укусите.

— Ничего, доставай!

Вот дурень достает, глядь — из того черного хлеба да такие белые паляницы сделались, что он и отродясь таких не едал: прямо сказать, как у панов.

— Ну, что ж, — говорит дед, — как же это не выпивши да полдничать? А нет ли там у тебя в торбе горилки?

— Да где ж она у меня возьмется! Есть одна только фляжка с водой!

— Доставай, — говорит.

Достал он, отведали, а там такая горилка сделалась!

Вот разостлали они на траве свитки, уселись и давай полдничать. Закусили хорошенько, поблагодарил дед дурня за хлеб и за водку и говорит:

— Ну, слушай, сынок, ступай теперь в лес, подойди к дереву и, трижды перекрестясь, ударь топором по дереву, а сам поскорей наземь ложись и лежи — пока тебя кто не разбудит. Вот корабль тебе и построится, а ты садись на него и лети, куда тебе надобно, и забирай по пути всякого встречного.

Поблагодарил дурень деда, распрощались они. Дед пошел своею дорогой, а дурень в лес направился.

Вот вошел в лес, подошел к дереву, стукнул топориком, сам упал наземь и уснул. Спал-спал. Вдруг спустя некоторое время слышит: кто-то его будит.

— Вставай, твое счастье уже спелое, подымайся! Дурень проснулся, видит — стоит корабль, сам золотой, мачты серебряные, паруса шелковые, так ветром и надуваются — только впору лететь!

Вот, не долго думая, сел он на корабль, снялся корабль и полетел... И полетел ниже облака, выше земли, что и глазом не видать.

Летел, летел, вдруг видит — припал человек к земле ухом и слушает. Он и крикнул ему:

— Здорово, дядько!

— Здорово, голубчик!

— Что это вы делаете?

— Да вот, слушаю, — говорит, — собрались ли уже к царю на обед гости.

— А вы разве туда идете?

— Туда.

— Так садитесь со мной, я вас подвезу. Тот и сел. Полетели.

Летели, летели... глядь — идет человек по дороге: одна нога к уху привязана, а на другой скачет.

— Здорово, дядько!

— Здорово, милый!

— Что это вы на одной ноге скачете?

— Да вот, если бы я, — говорит, — отвязал другую, то за один шаг весь свет бы обошел. А я, — говорит, — не хочу.

— Куда ж вы идете?

— К царю на обед.

— Так садитесь с нами.

— Ладно.

Тот сел. Опять полетели.

Летели, летели, глядь — стоит на дороге охотник, из лука нацеливается, а нигде ничего не видать, ни птицы, ни зверя.

— Здорово, дядько! Куда вы целитесь, если не видно ни птицы, ни зверя?

— Так что ж, что не видно? Это вам не видно, а мне-то видать!

— Да где же вы ее видите?

— Э, да там вон за сто верст на сухой груше сидит!

— Что ж, садитесь с нами! Он сел. Полетели.

Летели, летели, вдруг видят — идет человек, несет за спиной полный мешок хлеба.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда вы идете?

— Иду, — говорит, — хлеба на обед добывать.

— Да у вас и так ведь полный мешок.

— Да что этого хлеба! Мне и на один раз позавтракать не хватит.

— Садитесь с нами!

— Ладно.

Сел и тот. Поехали.

Летели, летели, глядь — бродит у озера человек, будто что ищет.

— Здорово, дядько!

— Здорово.

— Чего вы тут ходите?

— Пить, — говорит, — хочется, да вот никак воды не найду.

— Да перед вами же целое озеро — чего ж вы не пьете?

— Эх, да что этой воды! Мне ее и на один глоток не хватит.

— Так садитесь с нами!

— Хорошо.

Сел он. Полетели.

Летели, летели, вдруг видят — идет в село мужик и несет мешок соломы.

— Здорово, дядько! Куда это вы солому несете?

— В село, — говорит.

— Вот так-так! А разве в селе нету соломы?

— Есть, — говорит, — да не такая!

— А это какая же?

— Да такая, — говорит, — что какое бы знойное лето ни было, а разбросай ее — и вмиг, откуда ни возьмись, мороз ударит и снег ляжет.

— Так садитесь с нами! Тот сел. Полетели они дальше.

Летели, летели, вдруг видят — идет мужик в лес и вязанку дров за плечами тащит.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда это вы дрова несете?

— В лес.

— Вот так-так! Разве в лесу дров нету?

— Как нету? Есть, — говорит, — да не такие.

— А это какие ж?

— Там простые, а это такие, что только их разбросать, и враз, откуда ни возьмись, войско перед тобой явится!

— Так садитесь с нами. Согласился и этот, сел. Полетели.

Долго ли, коротко ли летели, а прилетают к царю на обед. А там посреди двора столы поставлены, понакрыты, бочки с медом-вином повывачены: пей, душа, ешь, чего пожелаешь! А людей, прямо сказать, полцарства сошлось, старые и малые, и паны, и богачи, и старцы убогие. Как на ярмарку. Прилетел дурень с товарищами на том корабле, спустился у царя перед окнами, вышли они из корабля, обедать пошли.

Глянул царь в окно, а там на золотом корабле кто-то прилетел, — и говорит слуге:

— Ступай да спроси, кто там на золотом корабле прилетел!

Пошел слуга, посмотрел, приходит к царю:

— Какое-то, — говорит, — мужичье, оборванцы! Царь не верит.

— Да как же это, — говорит, — можно, чтоб мужики да на золотом корабле прилетели! Ты, пожалуй, плохо расспрашивал.

Взял и пошел сам к людям.

— Кто тут, — спрашивает, — на этом корабле прилетел? Выступил дурень:

— Я, — говорит.

Царь как поглядел, что на нем свиточка — латка на латке, и на штанах колени повывезли, — так за голову и схватился: «Как же я свою дочку да за такого холопа выдам!» Что тут делать? И давай ему задачи загадывать.

— Ступай, — говорит слуге, — да объяви ему, что хоть он и на корабле прилетел, а если не добудет воды целеющей и живущей, пока гости пообедают, то не то что царевны не отдам, а вот меч, а ему голова с плеч!

Слуга пошел.

А Слухало и подслушал, что царь говорил, и рассказал о том дурню. Сидит дурень на лавке, печалится, — не ест, не пьет. Увидал это Скороход.

— Почему, — спрашивает, — не ешь?

— Да где уж мне есть! И в рот не лезет. И рассказал, так, мол, и так:

— Загадал мне царь, чтобы я, пока гости отобедают, добыл воды живущей и целеющей. А как я ее добуду?

— Не горюй! Я тебе достану!

— Ну, смотри!

Приходит слуга, дает ему царский наказ, а он уже давно знает, как и что.

— Скажи, — говорит, — что принесу! Вот слуга ушел.

А Скороход отвязал ногу от уха да как двинулся, так враз и набрал воды живой и целящей.

Набрал, утомился. «Пока там, — думает, — обед, я успею еще вернуться, а сейчас посижу у мельницы да отдохну маленько».

Сел и заснул. Гости уж обед кончают, а его все нету. Сидит дурень ни жив ни мертв. «Пропал!» — думает.

А Слухало взял приложил к земле ухо и давай слушать. Слушал-слушал.

— Не горюй, — говорит, — возле мельницы спит, вражий сын!

— Что же нам теперь делать? — спрашивает дурень. — Как бы его разбудить?

Стрелок и говорит:

— Не бойся: разбужу!

И как натянул лук, как выстрелил — стрела прямиком в мельницу ударилась, так щепки и полетели... Проснулся Скороход — поскорей туда! Гости только обед кончают, а он уже воду несет.

Что тут делать царю? Давай другую задачу загадывать.

— Ступай, — говорит слуге, — объяви ему: коли съест со своими товарищами за один присест шесть пар волов жареных да столько хлеба, сколько в сорока печах будет напечено, тогда, — говорит, — отдам за него дочку. А не съест, — вот мой меч, а ему голова с плеч!

А Слухало и подслушал, да и рассказал о том дурню.

— Что ж мне теперь делать? Я и одного-то хлеба не съем! — говорит дурень.

Опять запечалился, чуть не плачет. А Обьедало и говорит:

— Не плачь! Я за всех вас поем, да еще и не хватит.

Приходит слуга: так, мол, и так.

— Ладно, — говорит дурень, — пускай дают!

Вот изжарили двенадцать волов, напекли сорок печей хлеба. И как начал есть Обьедало — все дочиста поел и еще просит.

— Эх, — говорит, — мало! Хотя бы еще немного дали! Видит царь, что он такой, опять задачу загадывает, — чтоб сорок сороковых бочек воды залпом выпил, да сорок сороковых вина, а не выпьет — вот мой меч, а ему голова с плеч!

Подслушал Слухало — рассказал. Плачет дурень.

— Не плачь! — говорит Опивала. — Я, — говорит, — один выпью, да еще маловато будет.

Вот выкатили им по сорок сороковых бочек воды и вина. И как начал пить Опивала — все дочиста выдул да еще посмеивается.

— Эх, — говорит, — маловато. Еще бы выпил!.. Видит царь — ничего с ним не поделаешь, и думает:

«Надо его, вражьего сына, со свету сжить, а то он моей дочкою завладеет!» И посылает к дурню слугу:

— Поди объяви, что велел-де царь, чтоб перед венцом в баню сходил.

А другому слуге наказывает пойти и сказать, чтоб баню чугунную натопили: «Уж теперь он, такой-сякой, сжарится!» Натопил истопник баню — так и пышет... самого черта можно зажарить!

Сказали дурню. Вот идет он в баню, а за ним Морозко следом идет с соломой. Только вошли в баню, а там такая жарница, что прямо невозможно! Разбросал Морозко солому — и враз стало так холодно, что дурень еле обмылся, да поскорей на печь, там и заснул, — намерзся-таки хорошенько! Отворяют утром баню, думают, от него один только пепел остался, а он лежит себе на печи; они его и разбудили.

— Ох, — говорит, как крепко я спал! — да и пошел из бани.

Доложили царю, так, мол, и так: на печи спал, а в бане так холодно, будто целую зиму не топлено.

Крепко опечалился царь: что тут делать. Думал-думал...

— Ну, — говорит, — коль выставит мне к завтраму целый полк войска, уж выдам тогда за него свою дочку, а не выставит — мой меч, а ему голова с плеч!

А у самого на уме: «Где уж простому мужику полк войска добыть? Я царь, да и то!..» Вот и отдал приказ.

А Слухало подслушал, да и рассказал о том дурню. Сидит опять дурень, плачет; «Что мне теперь делать? Где мне столько войска достать?»

Идет на корабль к товарищам:

— Ой, братцы, выручайте! Не раз из беды выручали и теперь выручите! А не то я пропал!

— Не плачь! — говорит тот, что дрова нес. — Я тебя выручу.

Приходит слуга.

— Наказал, — говорит, — царь, что коль выставишь целый полк войска, тогда царевна твоя!

— Ладно, будет сделано! — говорит дурень. — Только скажи царю, коль не отдаст и теперь, то я на него войной пойду и силой царевну возьму.

Вывел товарищ ночью дурня в поле и понес с собою вязанку дров. И давай их в разные стороны раскидывать; что ни кинет — то и человек, что ни кинет, то и человек! И набралось такого войска, боже ты мой! Просыпается наутро царь, слышит — играют. Спрашивает:

— Что это так рано играют?

— Да это, — говорят, — тот свое войско муштрует, что на золотом корабле прилетел.

Видит тогда царь, что ничего не поделаешь, велел позвать его к себе.

Приходит слуга, просит. А дурень сделался такой, что его и не узнать — так одежда на нем и сияет, шапочка казачья золотая, а сам такой красавец, что боже ты мой! Ведет свое войско, впереди сам на коне вороном, а за ним старшина.

Подступил ко дворцу.

— Стой! — крикнул. Войско в лавы построилось, все как один!

Пошел во дворец. Царь его обнимает, целует:

— Садись, зятюшка мой любезный!

Вошла и царица. Как увидела — так и засмеялась: какой у нее муж пригожий будет!

Вот их поскорей обвенчали да такой пир задали, что аж до самого неба дым пошел, да на облаке и остановился.

И я с того пира шел, да как глянул на облако, так и упал. А упал, так и встал. Вы просите сказку, я и рассказал, ни длинную, ни короткую, а вот так, как от вас до меня. И еще б рассказал, да не умею.